

АЛАРИХ – СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ: ПУТЬ К ВЗЯТИЮ РИМА

Коньков Дмитрий Сергеевич,

канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков
и методологии истории исторического факультета ФГБОУ ВПО
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: dkonkov@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью пересмотра существующих в исторической науке трактовок мотиваций варваров в отношениях с римским обществом и государством в свете современных концепций социологии, социальной и исторической антропологии.

Цель работы: реконструкция предпосылок, повлиявших на решение короля готов Алариха о взятии Рима в 410 г., в контексте взаимодействия Римской империи и варварских народов методом историко-антропологической интерпретации и компаративного анализа историографии дискуссионных проблемных точек.

Методы исследования: общенаучные методы анализа, синтеза и историзма, исторический нарратив, историко-генетический и историко-типологический методы, компаративный анализ источников и историографии, критика исторического источника.

Результаты. Реконструированы обстоятельства, повлиявшие на решение предводителя готов Алариха о взятии и разорении Рима в 410 г. Определены две группы таких обстоятельств, условно обозначенные как внутренние и внешние по отношению к личности Алариха. К числу первых относятся личностные интенции и приоритеты: 1) стремление Алариха сохранить статус лидера и короля варварского войска, для чего требовались воинские успехи и распределение предметов престижного потребления; 2) стремление Алариха интегрироваться в систему римской воинской иерархии и администрации, получив официальный пост командующего войсками диоцеза или всей Западной империи в целом; 3) индивидуальная стратегия воздействия на правительство империи и местную аристократию через сочетание переговоров и военного шантажа. К числу вторых относятся не зависящие от Алариха и не контролируемые им факторы и условия: 1) предубеждение со стороны императора Гонория, подозревавшего Алариха в стремлении к узурпации, 2) распространение антиварварских настроений в романском обществе, периодически подогреваемых сознательной риторикой придворных фракций, 3) необходимость обеспечить войско продовольствием.

Ключевые слова:

Кросс-культурные отношения в Римской империи, социальная интеграция мигрантов и переселенцев, взятие Рима, Аларих, готы.

Взятие Рима войском готов под предводительством Алариха в 410 г. – резонансное событие для историографии поздней Римской империи. Зачастую оно выступает подобно кульминации драматического сюжета, связанного с расселением готов в Римской империи. Подобная историографическая тенденция находит свое наиболее яркое выражение в эпохальном сочинении Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи», в котором красочно и эмоционально описанию разорения Вечногорода посвящено семь страниц (в русском переводе) [1. С. 457–465; 2]. Современные авторы, например Ю.Б. Циркин, Х. Вольфрам, Р. Блокли и др., более лаконичны, однако и они подчеркивают [3; 4. С. 96; 5. С. 228; 6. Р. 127; 7. Р. 101] огромное психологическое значение этого события для жителей Римской империи того времени. В этой связи часто вспоминают монументальный труд Августина Блаженного (его первые книги были написаны как отклик и осмысление падения Рима) «О Граде Божиим», в котором впервые в римском культурном дискурсе был представлен взгляд на Рим как на ординарное и брэнное государство [8; 9. С. 482]. Другие христианские авторы приписывали взятие Рима козням дьявола, наущавшего Алариха [10. С. 275; 11. С. 621]. Мистификация и мифологизация этого события в источниках и исследованиях затрудняют возможность непредвзятого взгляда на исторические причины и предпосылки взятия Рима в 410 г. Между тем, с одной стороны, развертывание общественной и политической си-

туации в империи, и, с другой – личностные амбиции и приоритеты Алариха создали такие условия, в которых взятие и разграбление Рима оказалось самым вероятным исходом – несмотря на изначальное нежелание всех главных акторов, включая Алариха, допустить такой исход.

Более того, не желание уничтожить, а преклонение и пиетет перед империей как системой привели Алариха к взятию Рима. Речь идет о косвенной опосредованности. Интенция Алариха на интеграцию в римскую государственную и социальную структуру несомненна. Однако она сочеталась в его мировоззрении с социальными и идеологическими установками варварских народов придунайского лимеса, конкретнее – с установками варварской аристократии. Цели и методы Алариха имели дуальный, иногда дихотомичный и диалектический характер, поскольку основывались на, по меньшей мере, двух символических универсумах – варварском и имперском. Кроме того, Аларих не всегда правильно понимал скрытую семантику дискурса Римского государства, что приводило его к ошибкам в оценке последствий своих действий. Исходя из этой гипотезы, в данной статье реконструируются мотивы и намерения Алариха в цепи событий, приведших к взятию Рима.

Хронологические рамки этой цепи определяют 402–410 гг., временем, в течение которого Аларих вместе со своим войском находился на территории Западной империи, добываясь сохранения за собой постов генерала и командующего войска-

ми диоцеза и одновременно короля и лидера варварских группировок Иллирии и Паннонии. Первые контакты и проба сил Западной империи со стороны Алариха не увенчались полным успехом, однако привлекли к нему желаемое внимание, и для выстраивания дальнейших отношений этого было достаточно [12]. Следующие шаги в реализации карьерных и статусных целей Алариха могли быть связаны только с ведущим полководцем и придворным того времени – Стилихоном.

Т.С. Бернс считает, что Стилихон признал Алариха комитом – *comes rei militaris* – но не *magister militum*, чего тот добивался [13. Р. 181]. В распоряжении Алариха оказались две провинции из иллирийского диоцеза – Далмация и Паннония II, ключевые для сообщения между Востоком и Западом, но ограничивающие амбиции готского лидера [11. С. 617]. М. Куликовски, хотя и не поддерживает идею о соглашении между Аларихом и Стилихоном в 402 г., считает, что Стилихон целенаправленно заставил Алариха отойти на территорию, где тот не мог повредить улучшению отношений между Западом и Востоком, но в то же время оставался козырем в рукаве на случай их ухудшения [14. Р. 170–171]. О. Мэнхен-Хелфен полагает, что между Аларихом и Стилихоном было заключено некое соглашение о ненападении; при этом Аларих оставался самостоятельной силой, сохраняя лояльность Западу и фактически бесконтрольно хозяйничая на занятых им территориях, совершая набеги на Восток и выжидая момент, когда появится возможность заключить более выгодный договор. Тем не менее, этот же автор приводит аргументацию в пользу заключения в 402 г. именно *foedus*'а, опираясь на слова Григория Турского об Аэции. Последний, как указано в Истории франков, провел три года в заложниках у Алариха [15. С. 37]. О. Мэнхен-Хелфен доказывает, что эти годы относятся не к 405–408 гг., а к 402–405 гг. [16. Р. 67–68]. Если это действительно так, то договор между Аларихом и Стилихоном имел гораздо более прочный характер, нежели соглашение о перемирии, поскольку обмен заложниками предполагает взаимные гарантии неких серьезных обязательств. В этом контексте и скорбь Алариха по оказавшимся у римлян женам и детям, превознесенная Клавдианом, может быть понята именно как выдача заложников – такая практика существовала.

Исследователей смущает письмо императора Гонория Аркадию, выражающее сожаление о разорении Иллирии, что трактуется, как результат действий готов [7. С. 220]. На фоне потепления отношений между Римом и Константинополем в 401–404 гг., признания восточных консулов Западом и в целом относительно дружественных жестов в сторону друг друга набеги готов были явно не к месту. Однако Т.С. Бернс не усматривает в этом письме никаких прямых свидетельств, что готы были причастны к запустению Иллирии; он полагает, что Иллирия сильно пострадала от несколь-

ких десятилетий войн, и на ее территории либо вообще не было, либо было очень мало войск, поэтому готы Алариха для империи были там необходимы. Исследователь подчеркивает, что использованное Зосимом слово для характеристики заключенного Стилихоном в 405 г. соглашения с Аларихом – *синтема* – подразумевает существование более раннего договора, по которому Аларих выступает подчиненным Стилихона [13. Р. 194–195].

Относительно периода 402–405 гг. об Аларихе и его войске в источниках нет сведений. Умолчание в данном случае не менее красноречиво, чем подробное описание. По всей видимости, данный договор не упомянут Клавдианом ввиду отрицательного отношения римских сенаторов к соглашениям подобного рода в тот момент. Это косвенно указывает на то, что Аларих все же заключил некий договор со Стилихоном, получив официальный статус в имперской системе, и, благодаря этому, прекратил враждебные действия. Однако Орозий в другом контексте говорит о секретном соглашении между Стилихоном и Аларихом, не предусматривавшем официальное заключение мира, что оправдывалось интересами государства [17. С. 498]. Это может означать, что Стилихон отказался заключать *foedus* с Аларихом как договор о взаимных обязательствах, опасаясь, что его не поддержит в этом сенат; тем не менее, личная договоренность существовала, и Стилихон дал Алариху должность комита своим собственным распоряжением как *magister militum*.

Большинство авторов склонно считать, основываясь на словах Зосима [18. С. 231], что момент для заключения полноценного договора наступил в 405 г., когда Стилихон планировал поход на Восток, чтобы подчинить Иллирию управлению Запада во всей полноте – поскольку в этот момент провинции Иллирии были разделены между юрисдикцией Востока и Запада. В рамках этого похода войска Алариха предполагалось использовать как авангард. О. Мэнхен-Хелфен уверен, что именно ради этого был заключен полноценный *foedus*, по условиям которого Аларих вновь получал вожделенный пост *magister militum per Illyricum* [16. Р. 67]. П. Хизер полагает, что Аларих с его войсками играл ключевую роль в плане Стилихона, а в договоре предусматривалась обязательная аннона для его отрядов [19. Р. 146]. В другом месте исследователь раскрывает свое видение мотивов Стилихона: предвидя массовое вторжение варваров и столкнувшись с проблемой узурпации Константина в Галлии, Стилихон считал жизненно важным заручиться поддержкой Алариха. Для этого было необходимо распоряжаться территориями, отданными под расселение готам в Иллирии – Дакийей и Македонией – которые в это время контролировались Восточной империей [20. С. 340]. С этой точки зрения де-факто Аларих должен был завоевать для Стилихона свои собственные земли, чтобы получить на них официальную санкцию Запада и за это отправиться в Галлию.

Вероятно, запутанное и непрозрачное совместное управление Иллирией, инициированное Константинополем в поисках сближения с Западом, служило одной из причин того запустения, о котором сожалел Гонорий в упомянутом выше письме Аркадию [13. Р. 195]. И Стилихона, и Алариха подобная ситуация не устраивала, пусть и по разным причинам. Поэтому замысел Стилихона о переходе всего диоцеза под управление Запада должен был встретить поддержку Алариха – поскольку предполагал восстановление его высокого статуса в римской армейской иерархии. Несомненно, что этот статус был значимым ориентиром для Алариха. Возделенная должность приносила власть не только над готскими федератами, но и над собственно римскими войсками, находящимися на территории Иллирии; кроме того, в этом случае федератская аннона дополнялась или заменялась общеимперским обеспечением, базирующимся на местной гражданской администрации.

Т.С. Бернс подчеркивает, что Стилихон, через посредство префекта Иллирии Иовия, осуществлял полную поддержку Алариха [13. Р. 203]. С этим не согласен М. Куликовски, отвергая свидетельство Зосима как инспирированное паранойей Константинополя по отношению к Западу. Вялотекущее противостояние, как считает исследователь, не подразумевало активного военного решения и вмешательства самого Стилихона; назначение Алариха вновь на пост *magister militum* Иллирии теперь уже со стороны Запада являлось просто очередным выпадом, дипломатическим давлением на Восток, именно в это время ослабленный казнью собственного ведущего полководца Фравитты [14. Р. 171].

Так или иначе, Аларих, по словам Зосима, который в данном случае является единственным источником, выдвинулся в Эпир в ожидании войск Стилихона [18. С. 231]. Однако следует заметить, что в этом месте у Зосима вероятна контаминация событий 397 и 404 гг., и если первый случай верифицируем другими источниками, то присутствие Алариха в Эпире в 404 г. не подтверждено ничем. Возможно, Аларих, в ожидании команды Стилихона, как пишет Зосим, действительно совершал какие-либо маневры в адрес Восточной империи, однако либо у него не было достаточно ресурсов, либо отсутствовал соответствующий приказ, но непосредственного столкновения не последовало. Действия Алариха в данном случае корректны и осторожны как по отношению к Западу, так и к Востоку. Это косвенно свидетельствует о его нежелании портить отношения с кем-либо из возможных покровителей, надеждах на дальнейшую карьеру и, одновременно, неуверенности в перспективах – Т.С. Бернс уверен, что пост *magister militum* Алариху был только обещан, тот мог занять эту должность только по факту объединения Иллирии [13. Р. 210].

Насколько были реалистичны планы Стилихона в этом направлении, и вообще существовали ли

они, остается предметом дискуссии. Вторжение германских племен и узурпация Константина в Галлии должны были занимать его мысли намного более, чем дела в Иллирии, что подчеркивает П. Хизер [20. С. 339]. Источники – Зосим, Орозий, Филосторгий, Созомен – говорят о коварных замыслах Стилихона в отношении этой провинции [11. С. 616; 17. С. 498; 18. С. 231; 21. С. 249], однако эти авторы, *во-первых*, принадлежат к восточной историографической традиции и соответствующим образом ангажированы и, *во-вторых*, излагают очерняющую точку зрения, принятую после убийства Стилихона.

Можно предположить, что Стилихон действительно по какой-то причине приказал Алариху находиться в готовности на территории Эпира, придав ему в качестве собственного представителя префекта Иовиана (по словам Созомена); исходя из логики П. Хизера, этой причиной является необходимость набора и обучения дополнительных войск – собственно, это и есть основная задача *magister militum*. Такая реконструкция событий подтверждается и тем, что провинции Иллирии традиционно были источниками пополнения легионов. Войска самого Алариха – готы, следовавшие за ним как за королем, – были относительно немногочисленны; получив же статус римского генерала, Аларих мог опираться на авторитет империи, привлекая к службе и собственно римлян, и федератов. Он набирал войска на землях Западной и Восточной империй – ради того, чтобы обеспечить легитимность усилий Алариха, Стилихон пошел на очередное потепление отношений с Востоком, признав выборы восточного консула на 408 г. Таким образом, в конце 406 – начале 408 гг. Аларих создавал для Стилихона армию, пока тот бросал имеющиеся в наличии войска в безуспешные сражения против Константина.

Весной 408 г. Аларих, очевидно, выполнил поручение и отправился с новой армией в Норик, на границе с Италией. Филосторгий и Зосим отмечают, что Стилихон своим приказом открыл для Алариха проход через Апеннины [18. С. 230–231; 21. С. 249]. Вместо инфернальной злонамеренности, которую они приписывают как мотив Стилихону, разумнее предположить, что Стилихон ожидал силы Алариха и нуждался в них. Об этом свидетельствуют и действия Стилихона, и поступки Алариха. Как излагает Зосим, последний остановился в Норике и отправил гонцов к Стилихону с просьбой предоставить сумму, оплачивающую переход армии из Эпира в Норик и далее в Италию. Требование, естественное для подчиненного офицера, вынужденного обеспечивать армию на марше всем необходимым; очевидно, у Алариха просто закончились средства, и дальше Норика он двигаться не мог.

Стилихон не распоряжался столь крупными суммами единолично, будучи обязан проводить подобные решения через римский сенат. Поэтому он обратился к сенату, чтобы утвердить выплату ар-

мии Алариха. Кроме того, он убедил Гонория пропустить армию Алариха в Галлию для подавления восстания Константина, и император написал готскому вождю соответствующее письмо. Т.С. Бернс полагает, что в этом письме официально утверждалось назначение Алариха *magister militum per Gallias* [13. Р. 216]. Х. Вольфрам, рассуждая относительно суммы, запрошенной Аларихом – 280000 солидов, – говорит, что ее было достаточно для проживания в течение года более 90000 человек [7. С. 222]. При том, что эта сумма могла быть завышена Зосимом, и в нее, по всей видимости, включались различные дорожные расходы, затраты на ресурсообеспечение, задолженности солдатам, аннона и т. д., оценочная численность армии Алариха остается достаточно внушительной. Возможно, большая часть суммы рассматривалась как оплата расходов на оснащение и переброску этой армии в Галлию. Х. Вольфрам полагает, что Аларих так и не получил запрошенных денег; П. Хизер уверен, что, напротив, получил, но никак не отреагировал и поход не начал [20. С. 343]. Исходя из слов источника – Зосима – скорее следует согласиться с первым.

В 408 г. Аларих и его новосозданная армия оказались заложниками внутренних пертурбаций в империи. Это произошло из-за заговора императора против Стилихона и убийства последнего. Тем самым Аларих лишился своего командира, покровителя и человека, лично гарантировавшего федератский договор. Вместе со Стилихоном потеряли значение и все его планы, в том числе и поход Алариха в Галлию. Более того, Аларих, как креатура Стилихона, теперь являлся персоной нон грата, в то же время командуя значительными воинскими силами. Италия же была лишена значительной части своих легионов, разбитых в сражениях с Константином. Иначе, как угроза, Аларих и его армия императором восприниматься не могли.

Образ Алариха в большинстве источников демонизирован и мифологизирован, поскольку эти источники создавались после взятия Рима в 410 г. Соответственно, намерения и решения готского вождя трактовались задним числом, исходя из призрака будущего взятия Рима. Однако сомнительно, чтобы Аларих планировал поход на Рим в это время. Идея римской службы, идентичность римского официала, явно имела для него большой вес и задавала ориентиры поведения и мотиваций.

Узнав о смерти Стилихона, Аларих отправил послов к императору с предложением перезаключить договор теперь непосредственно с ним на старых условиях: обмен заложниками, выплата небольшой суммы и уход Алариха с армией обратно в Паннонию [20. С. 236–237]. Последние два пункта подразумевали, *во-первых*, что Аларих не получил обещанных сенатом денег; *во-вторых*, что он понимал нестабильность ситуации и не желал ее расширять еще больше; *в-третьих*, что он предлагал вернуться к статус кво 402 г., оставаясь резидентом и военачальником Иллирии, распуская, оче-

видно, армию и лишь компенсируя затраты на ее возвращение. Однако это предложение было отвергнуто императором.

Причины такого решения Гонория не ясны. Аларих возглавлял крупное воинское соединение, делать его врагом было неразумно – у Гонория не было сил, способных ему противостоять. Тем не менее, Гонорий и Олимпий, занявший место Стилихона в качестве доверенного советника императора, сознательно шли на конфликт с Аларихом. Как замечает Т.С. Бернс, в качестве соратника Стилихона Аларих был вне прощения [13. Р. 227]. Это подтверждается словами Зосима о репрессиях, немедленно развернутых против не только близких и друзей Стилихона, но и в целом против всех, кто имел с ним какие-либо отношения. Этим репрессиям сопутствовал рост антиварварских настроений в обществе. Страх перед варварским вторжением (спровоцированный набегом Радагайса, падением рейнской границы и, в свое время, самим Аларихом) реализовался через массовые погромы семей варварского происхождения [18. С. 236]. В этих условиях неудивительно, что Гонорий предпочел – или был вынужден – идти на поводу общественного мнения и сделать неразумный, но очень популистский жест – объявить Алариху войну. Сам император, очевидно, был уверен в своих силах, затворившись в неприступной Равенне.

Характерно, что Аларих в итоге стал покровителем для тех, кто пострадал от чисток и погромов – под его защиту стекались жители Италии варварского происхождения. Хотя Зосим говорит о 30000 таких последователей Алариха, П. Хизер усматривает в этом очередную контаминацию, считая, что таковых могло быть не более 10000 [22. Р. 54]. Даже эта численность может быть завышена, или в нее включены женщины и дети. Для Алариха это была не столько поддержка, сколько обуза. Более того, покровительство беженцам только компрометировало его в глазах Гонория. Тем не менее, помимо своего желания Аларих оказался главным соперником римлян и правительства, символом свергнутого и отверженного правления Стилихона.

Осознав это, он прекратил попытки добиться мира. Аларих не чувствовал себя уверенно в этой ситуации, его амбиции не простирались настолько далеко, чтобы становиться предводителем разгорающегося гражданского противостояния в империи. Однако он явно надеялся вынести из него все возможные выгоды. Он отправил гонцов в Паннонию за помощью к брату своей жены Атаульф, в распоряжении которого, по словам Зосима, находилось значительное количество войск готов и гуннов, но сам, не дожидаясь резервов, пошел на Рим [18. С. 237–238]. Зосим, несмотря на свою антипатию к варварам, отмечает, что поход Алариха на Рим начался как ответ на прямые военные призывы Гонория.

С рациональной точки зрения представляется странным, почему целью Алариха стал именно

Рим, а не Равенна, бывшая резиденцией императора. Это озадачивало и античных авторов, судя по приводимому Сократом Схоластиком и Созоменом мистическому эпизоду, объясняющему мотивы Алариха неодолимым влечением или голосом в голове [10. С. 275; 11. С. 621]. Т.С. Бернс связывает направление похода Алариха – который был, как говорит Зосим, скорее праздничным шествием – с изначальной договоренностью со Стилихоном. На этой дороге армия была обеспечена припасами и продовольствием, города открывали ворота перед Аларихом как перед римским военачальником, следующим по запланированному маршруту [13. Р. 227]. Пользуясь этим, он мог сохранить свою армию, которая так и не получила обещанных Стилихоном средств; дорога на Рим была открыта, поскольку большая часть римской армии находилась в Тицине (Павии). Впрочем, такая трактовка не согласуется с другими источниками, которые утверждают, что Аларих все разорал и сжигал на своем пути [13. С. 620; 18. С. 238]; кроме того, Рим находился отнюдь не по пути в Галлию, куда предположительно должен был выдвигаться Аларих с войском. П. Хизер дает другое объяснение: Аларих повторял свою тактику шантажа имперского правительства 401–402 гг., занимая более выгодную позицию, чтобы выставить свои условия [19. Р. 147]. Торг с императором в свете угрозы Риму как общепризнанному культурному и политическому центру империи обещал серьезные результаты.

Такую трактовку подтверждает поведение Алариха по отношению к Риму. Несмотря на то, что Рим не был готов к появлению врага, Аларих не выказал намерения брать его штурмом. Он ограничился тем, что блокировал поступление продовольствия в город. Очевидно, разорение Рима не являлось на тот момент целью Алариха; ему был нужен новый договор и статус. Осада Рима должна была подтолкнуть императора к принятию скорейшего и выгоднейшего решения. Однако, несмотря на ожидания римлян и Алариха, император никак не отреагировал – ни договором, ни атакой – и, судя по всему, был готов пожертвовать Римом, лишь бы не заключать мир и не признавать Алариха. Возможно, Гонорий видел в Аларихе второго Стилихона, фигура Алариха ассоциировалась в его глазах со всеми отрицательными чертами правления этого министра, и договоренность с ним означала отказ от тех перемен, ради которых совершался переворот.

Римляне в отчаянии обратились к языческим богам за помощью (будучи в большинстве своем христианами), однако безуспешно, о чем с разной степенью сожаления повествуют и Зосим, и Созомен [11. С. 620–621; 18. С. 241]. В конечном итоге они подготовили посольство; характерно в этой связи, что, по словам Зосима, римляне не были уверены в том, кто именно осаждал город – Аларих или кто-то еще из варварских полководцев-друзей Стилихона. Это говорит не только о запуганности и

дезинформированности легендами и слухами, как отмечает Х. Вольфрам [3. С. 224], но и о том, что римляне, как и император, видели в Аларихе в первую очередь соратника Стилихона, ведущего гражданскую войну с Гонорием. Аларих воспринимался не как самостоятельная фигура с собственными интересами, но как сторонник опального министра. Аналогично оценивалось и его войско – речь шла не о нашествии готов, а о перевороте варваров-федератов внутри империи.

Представляется, что такая оценка армии Алариха имела под собой основания. П. Хизер, анализируя возможный состав войска Алариха, приходит к выводу, что большая его часть была готской, хотя в него также входили и представители аланов, гуннов и ряда других народов [18. Р. 54–55]. Следует согласиться, что значительная часть этого войска была именно готами, которые в принципе в этот период составляли основную военную силу империи, но если Аларих формировал свою армию в Иллирии как римский генерал, то по умолчанию в нее могли входить и римляне, и выходцы из любых других племен, расселенных в качестве федератов на этой территории. Поэтому строго дефинировать армию Алариха по национальному и идейному содержанию вряд ли возможно. Она состояла из различных группировок с разными интересами.

Ядро армии составляли готы самого Алариха: его родственники и клиенты, а также роды, признавшие его вождем и королем. Во время своего пребывания в Далмации, Паннонии и Эпире Аларих мог убедить вождей и старейшин других кланов федератов, как готских, так и аланских, гуннских и других, присоединиться к его армии в обмен на соответствующие выплаты, для чего ему и были необходимы средства от Стилихона. Вероятно, в качестве *magister militum* Иллирии он также мобилизовал какие-то регулярные римские части, размещенные в этой провинции. Наконец, после убийства Стилихона и сопутствовавших погромов к Алариху пришли пострадавшие жители империи. Хотя Зосим указывает, что это в первую очередь варвары, но происхождение этих беженцев не уточняется. В какой степени эти варвары романизировались на тот момент, сколько среди них было полукровок, как сам Стилихон, и, наконец, бежали ли к Алариху от преследований сторонники Стилихона римского происхождения – а таковые, безусловно, были – от этих факторов зависел состав армии, которая заблокировала Рим.

Зосим также указывает, что после завершения осады к Алариху перебежали практически все римские рабы, увеличив его армию до 40000 человек. Часть этих рабов принадлежала, возможно, к готам Радагайса, однако в целом их происхождение остается вопросом и, скорее всего, является достаточно разнородным. Это еще более способствовало размыванию структурной целостности армии Алариха. Представляется, что в силу разнородности входящих в нее частей интересы и цели этой армии были слабо скоординированы. Аларих, та-

ким образом, выступал в данном случае не только как король готов, но как представитель и агрегатор всех этих интересов.

Характерно отношение римлян к личности Алариха: как упоминает Зосим, убедившись, что именно Аларих осаждает город, римляне утратили волю к сопротивлению [14. С. 240]. Это говорит о том, что Аларих уже при жизни был мифологизирован в глазах римлян как неодолимый и бескомпромиссный полководец; кроме того, существенную роль сыграла развернувшаяся в этот период антиварварская истерия, обусловившая восприятие варварского войска как безликой разрушительной силы, кары господней, а не сил отвергнутого генерала, борющегося за восстановление своих прав и статуса. В этом смысле показательно, что Зосим характеризует Алариха как грубого, самоуверенного и надменного лидера, следуя каноническому для римской историографии видению варварского поведения, однако здесь же отмечает длительность дискуссий в ходе переговоров с обеих сторон, что свидетельствует о готовности Алариха к подобным переговорам и его дипломатическом опыте.

Условия, на которых сошлись стороны, предусматривали выплату суммы, примерно в два раза превышавшей ту, которую Аларих запрашивал ранее у Стилихона и Гонория. Учитывая, что к армии Алариха присоединились за это время различные группировки, в том числе и вызванный из Паннонии Атаульф, это представляется оправданным и естественным. Х. Вольфрам выдвигает иную версию, полагая, что основным мотивом Алариха в определении размеров контрибуции являлись престижные потребности его людей [5. С. 224]. Однако эти потребности в значительной степени определяли его статус как вождя и короля среди готов; его авторитет поддерживался победами и престижными дарениями. Очевидно также, что прочие иллирийские федераты, участвуя в походе, рассчитывали на некое жалование. Будучи одновременно и варварским вождем, и римским генералом, Аларих оказывался перед необходимостью обеспечить оба этих статуса через соответствующие выплаты. Неудивительно, что он потребовал от Рима пурпурные одежды и перец – знаки престижа и легкий и высоколиквидный предмет обмена.

При этом Аларих стремился сохранить римскую армейскую дисциплину в своих войсках, предотвращая случайные грабежи – что говорит о его стремлении заслужить репутацию именно римского генерала, а не предводителя варварского набега. О его пиетете перед римской государственной системой и иерархией говорит также и то, что, как свидетельствуют Зосим и Созомен, по настоянию Алариха римляне отправили посольство в Равенну к императору, чтобы попытаться заключить договор от его лица [11. С. 621; 18. С. 242]. Условия полководца остались неизменными: выплата оговоренных сумм, обмен заложниками и утверждение в должности *magister militum*. Необходимо отме-

тить, что Аларих ожидал утверждения императором соглашения *in toto*, вместе с оговоренной контрибуцией с римлян, воздерживаясь от каких-либо сепаратных реквизиций, то есть держался в рамках формальных имперских отношений, дистанцируясь от обвинений в варварском набеге. Как справедливо характеризует эту ситуацию М. Куликовски, Рим для Алариха был не конечной целью, вне зависимости от панических настроений самых римлян и демонизации готского предводителя, а площадкой для торга с императором [14. Р. 174].

Однако в Равенне сохранялась напряженная атмосфера гонений на сторонников Стилихона. Очевидно, и Аларих продолжал рассматриваться императорским двором именно в этой роли; римское посольство, посредством которого Аларих пытался договориться с императором, было практически обвинено в пособничестве врагу государства и в связях со Стилихоном; император сместил префекта Рима, также, по всей видимости, подозревая его в измене; в Рим был отправлен отряд наиболее верных Гонорию солдат, нацеленный, судя по его малой численности, не на противостояние Алариху, а на чистку рядов римской знати. Занятые гражданской борьбой и сведением счетов император и Олимпий практически игнорируют Алариха, за исключением скорее символического выпада против Атаульфа, на который Аларих даже не счел нужным отвечать. Его более заботило представительство его интересов в Равенне, и следующее посольство уже охранялось солдатами самого Алариха.

Однако пока организовывались новое посольство и новые предложения, в Равенне произошел очередной придворный переворот. Олимпий потерял власть и бежал, преследования сторонников Стилихона прекратились. Тем не менее, должность *magister militum* Иллирии была передана императором Генериду, другому комиту варварского происхождения, но, в отличие от Алариха, близкому ко двору; таким образом, Аларих вновь оказался обойден и исключен из римской иерархии, не получив в ней никакого статуса. Однако император и на него обратил внимание. Очевидно, этому способствовало возвышение при дворе Иовия, знакомого с Аларихом со времен Стилихона. Иовий сам предложил свое посредничество для переговоров с Аларихом; император вызвал Алариха письмом, Иовий отправился к нему навстречу. В результате переговоры состоялись на нейтральной территории, в Римини, недалеко от Равенны.

Аларих просил у императора аннону и зерно в неопределенном количестве, чтобы обеспечить свою армию – как небезосновательно предполагает Т.С. Бернс, в этот момент Аларих мог сам не вполне себе представлять численность своего войска [13. Р. 239] – а также возможность поселения своих воинов в провинциях Венеций, Норике и Далмации. В этом проекте нет ничего вызывающего: Далмация, Паннония и отчасти Норик уже на тот момент были отданы под поселение федератских групп готов и гуннов. Венеции же требова-

лись, возможно, для расселения той части армии Алариха, которая состояла из италийских варваров и беглых рабов. Впрочем, как подчеркивают П. Хизер и Т.С. Бернс, контроль над Венециями означал контроль над свободным сообщением между Иллирией и Италией, а также шаговую доступность Равенны [13. Р. 239; 20. С. 349]. Имея в распоряжении эти провинции, Аларих занимал бы стратегически важнейшую позицию, гарантировавшую необходимость считаться с ним как Западу, так и Востоку – как позднее это доказал неформальный диктатор Далмации Марцеллин [23. Р. 32–64].

Закономерно, что существенное место в переговорах отводилось вопросу о статусе Алариха. В литературе встречаются разные трактовки этого вопроса – из-за расхождения в источниках. Созомен утверждает, что Аларих через Иовия требовал у императора пост *magister utriusque militiae*, высшую военную должность империи, до этого занимаемую Стилихоном; Зосим уточняет, что сам Иовий в частном письме предложил Гонорию этот вариант в расчете на то, что это позволит облегчить другие условия [11. С. 622; 18. С. 246]. Соответственно, М. Куликовски полагает, что Аларих действительно намеревался стать прямым преемником Стилихона [14. Р. 174], Х. Вольфрам склонен считать, что амбиции Алариха не простирались дальше сохранения статус-кво и он претендовал только на свой старый пост *magister militum* Иллирии, отданный Генериду [5. С. 225], а Т.С. Бернс усматривает в данной коллизии недоразумение, связанное с Иовием: последний, как гражданский чиновник, мог не разбираться в военных должностях и перепутал посты *magister praesentalis I* и *magister utriusque militia* [1. Р. 239]. Так или иначе, именно это условие император воспринял болезненно, поскольку, только выйдя из-под власти Стилихона, счел, что Аларих стремится занять то же положение. Иовий же, в свою очередь, как считает Т.С. Бернс, усугубил положение, в присутствии приближенных Алариха вслух зачитав письмо императора с отказом назначить не только Алариха на какой-либо пост, но и любых его родственников. Исследователь полагает, что это прозвучало исключительно оскорбительно для готов.

Аларих отреагировал немедленно, вновь направившись на Рим. Однако на полпути остановился и организовал очередное посольство к Гонорию, выдвигая намного более скромные требования: Норик для поселения и ежегодные выдачи зерна в размере на усмотрение императора [11. С. 622; 18. С. 247]. Кажущаяся непоследовательность полководца происходила не из индивидуальных особенностей характера, а из социальных обязательств и условностей, в рамках которых он действовал. Оскорбление, публично нанесенное ему и его роду Иовием, угрожало Алариху потерей лица перед войском, и ответный жест был необходим. Но также очевидно, что Аларих приложил усилия, чтобы этот поход был не более чем жестом. Его приоритеты не изменились: он продолжал добиваться договора с Равенной.

При наличии в его распоряжении значительных сил, это, как отмечает П. Хизер, было удивительно даже для современников. Исследователь объясняет миролюбие Алариха тем, что тот расценивал ослабление империи как временное явление [19. Р. 148; 20. С. 349]. Т.С. Бернс склоняется к тому, что на решение Алариха повлияли известия о призыве на службу к Гонорию отряда гуннских федератов из Паннонии [13. Р. 240], хотя О. Мэнхен-Хелфен уверен, что, судя по отсутствию упоминания об этом отряде в дальнейшем, его численность не могла превышать нескольких сотен всадников [16. Р. 69]. Обоснованной представляется и точка зрения Х. Вольфрама, в целом разделяемая и Т.С. Бернсом: основной проблемой Алариха было отсутствие снабжения и продовольствия для армии [5. С. 226]. Именно это делало его положение как лидера и полководца уязвимым. Хорошо укрепленные стратегические узлы, как Равенна и Павия, Аларих не решался штурмовать, а возможности обеспечить своих людей всем необходимым в обход этих узлов были ограничены. Однако эта логика все же не объясняет настоятельные попытки Алариха достигнуть соглашения с императором страны, в которой реальным хозяином являлся сам Аларих. Развертывание этой парадоксальной ситуации становится понятным при допущении, что приоритетом Алариха оставалась интеграция в имперскую систему, а не противостояние ей или, тем более, ее преобразование. В свою очередь, это означает, что Аларих верил в неизбежность и абсолютную ценность этой системы.

Отказ Гонория от переговоров можно расценить как следствие иррационального страха в отношении Алариха и варваров, стремления их унижить и за счет этого возвыситься самому и, таким образом, отпраздновать триумф, не дав ни одного сражения. Император был близок к этому, своей кутузовской тактикой уже заставив Алариха практически снять все требования, балансируя на грани капитуляции. Для Алариха не оставалось вариантов, кроме как снова идти на Рим. Он уже понимал, что Рим не получится использовать для посредничества или торга; однако этот город оставался центром империи и, в частности, резиденцией сената.

Как замечает М. Куликовски, Аларих имел достаточный опыт службы и на Востоке, и на Западе, чтобы понимать, что такое узурпация и каким образом она осуществляется [14. Р. 175]. Тем не менее, пиетет Алариха по отношению к империи очевиден, а его многократные попытки добиться соглашения с Гонорием свидетельствуют о том, что у него не возникало мысли о собственной узурпации или взведении на трон своего ставленника. Гонорий являлся значимой фигурой для Алариха в силу того, что был сыном Феодосия. Эти кровно-родственные связи играли существенную роль в отношениях варваров с империей. Феодосий заключил с готами в свое время *foedus*; Аларих переносил взаимоотношения с отцом на сына.

Кроме того, несмотря на то, что с узурпациями он был непосредственно знаком (воюя с Евгением при Феодосии), в его собственной практике случаев возведения генералами-варварами императоров на престол не было.

В связи с этим представляется маловероятным, что Аларих самостоятельно пришел к мысли инициировать узурпацию. На протяжении полутора десятков лет он демонстрировал верность одной стратегии получения желаемого от имперских властей – через набеги, угрозы, шантаж. Растерянность Алариха в ситуации, когда эта стратегия не сработала, очевидна. Мысль об узурпации скорее могла прийти в голову римлянину, нежели варвару. Возможно, она была подсказана Алариху одним из его приближенных-римлян; возможно – самим Атталом, когда тот участвовал в посольстве от Алариха к Гонорию. Кандидатура Аттала, на тот момент префекта Рима, представлялась наиболее приемлемой для самих римлян в качестве императора. Также возможно, что Аларих вспомнил об активном участии Аттала в переговорах с императором в составе римско-готской делегации.

Так или иначе, Аларих в ходе переговоров с римским сенатом добился возведения Приска Аттала в сан императора. Х. Вольфрам и П. Хизер считают, что в этом проявилась исключительная лояльность Алариха по отношению к Риму [5. С. 226; 20. С. 350]. Другие авторы указывают на то, что Аларих прямо приказал или вынудил сенат это сделать [11. С. 623; 18. С. 253]. Однако толерантное отношение сената и римлян к Атталу говорит о том, что это была не случайная фигура на императорском престоле. Это подтверждается и тем, что Аттал проявил себя как самостоятельный правитель. Он делал амбициозные заявления о восстановлении империи и предпринимал для этого реальные усилия. Риторика Аттала и круг его поддержки скорее свидетельствуют о том, что римский сенат воспользовался армией Алариха в своем соперничестве с императорским двором, выдвинув своего представителя во главу империи. Аларих же в обмен на эту услугу получил от сената и Аттала то, что хотел – официальный пост в римской армии.

Т.С. Бернс трактует данные Зосима и Созомена как распределение высших командных постов между людьми Алариха и римлянами: Аларих был назначен *magister praesentalis I*, Валенс, предводитель римского гарнизона – *magister praesentalis II*, Атаульф – *comes domesticorum equitum* [13. Р. 241]. Если это действительно было так, то, очевидно, Аттал намеревался опираться в первую очередь на варваров, одновременно делая реверансы в адрес собственно римских военачальников, чтобы смягчить антиварварские настроения. Х. Вольфрам полагает, что Аларих был разочарован подобным разделением власти. Масла в огонь подлили назначения на посты префектов претория и города представителей антиварварской партии [5. С. 226]. Последнее, впрочем, неудивительно,

поскольку на гражданские должности варваров никогда не назначали, и они сами к этому не стремились; среди же римских сенаторов после чисток Гонория и двух осад Рима вряд ли было много сторонников варваров.

Дальнейшие действия Аттала говорят о том, что и он не был чужд антиварварских предубеждений, относясь к Алариху с подозрением и осторожностью. Несмотря на разумные с военной точки зрения предложения Алариха отправить его вместе с войском на покорение африканских провинций (главного источника продовольствия для Рима), Аттал удержал его при себе и отправился совместно с Аларихом брать Равенну. Х. Вольфрам считает, что главную роль в этом решении Аттала сыграло недоверие между ним и варварами. Узурпатор боялся, что варварские войска, покорив Африку, там и останутся, получив в свое распоряжение неограниченные запасы африканского зерна [5. С. 226]. Кроме того, очевидно, что взятие Равенны и ликвидация опасности со стороны Гонория представлялись узурпатору приоритетными задачами. Аларих, ранее сам не решившийся штурмовать Равенну, и на этот раз не испытывал энтузиазма относительно перспектив этого предприятия. Однако, судя по тому, что Аттал настоял на своем, Аларих воспринимал его как своего законного и легитимного императора, исполняя его приказы.

Эту ситуацию можно трактовать как очередное подтверждение намерения Алариха интегрироваться в римскую имперскую систему. Причем речь в данном случае идет уже не о фактической политической, военной или административной системе Запада, возглавляемой правительством Гонория в Равенне, но об идеализированной, архаичной, псевдореспубликанской империи, существующей в идеологическом дискурсе римской элиты. Аларих выразил свою верность Риму как высшей ценности, идее, символическому универсуму в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана [24]. Эта верность более глубока по своей природе, нежели простая лояльность, она обязывает к тщательному соблюдению всех установленных в рамках этого универсума принципов. Кроме того, Аларих являлся неопитом, доказывающим свою состоятельность в новом качестве борца за эти принципы. С этой точки зрения объяснима его нерациональность и слепое повиновение Атталу, совершенно парадоксальное в случае, если бы сам Аларих задавал правила игры.

В оправдание узурпатора и сената следует отметить, что они действовали не безрассудно. Гонорий, несмотря на неприступность Равенны, очевидно, настолько боялся вступить в бой, что при приближении войск Алариха предложил сделать Аттала соправителем, а получив отказ, собрался бежать в Константинополь. Спасением для Гонория и крахом Аттала стали внезапно прибывшие в Равенну с Востока легионы. Кроме того, к этому времени в Риме исчерпались запасы зерна, а Афри-

ка не признала узурпацию и прекратила поставки. Из-за этого Аттал лишился поддержки римских сенаторов.

Источники расходятся в описании дальнейшей судьбы Аттала: Зосим утверждает, что Аларих лично сорвал с него императорские инсигнии и отослал Гонорию; Созомен трактует это событие как самостоятельное отречение Аттала, произошедшее по общему согласию, в присутствии всех заинтересованных сторон; Филосторгий приводит обе точки зрения [11. С. 625; 18. С. 256; 21. С. 250]. Позиция Созомена выглядит более взвешенной. И если декорация Аттала происходила по взаимной договоренности, то Аларих стремился и в этом случае следовать правилам. Его приоритеты не изменились: но теперь он вновь вернулся к проблеме заключения договора с Гонорием. Однако вопрос со снабжением армии Алариха Атталом так и не был решен, что заставляло готов спешить с договоренностями [11. Р. 241].

В свете произошедших событий Гонорий был настроен более миролюбиво. Для Алариха ситуация складывалась благоприятно, однако в процесс переговоров вмешался его соперник и конкурент Сар. П. Хизер обоснованно предполагает, что Сар был одним из представителей готской знати, выступавших против Алариха в 390-х и оспаривавших его право на власть [20. С. 351]. Клановое соперничество, характерное для родо-племенного социума, сказывалось на специфике отношений варваров с империей. Получение командных должностей в имперских структурах способствовало повышению статуса готских аристократов в племенной среде. Как предполагает Т.С. Бернс, Сар воевал против Константина в Галлии [18. С. 250–251], имея должность *magister militum*, и утратил ее из-за поражения [17. Р. 214, 216]. Таким образом, Сар добился большего, нежели Аларих, сумев выслужиться при Гонории, однако потерял свои достижения и, соответственно, свой авторитет. Следует отметить, что Филосторгий приводит противоположную версию положения Сара, в соответствии с которой тот командовал войсками Гонория в Равенне, сражался с Аларихом и победил его. Однако в свете дальнейшей судьбы Сара эта версия выглядит сомнительной. Кроме того, ее опровергает Зосим, прямо указывающий, что Гонорий не назначил Сара своим командиром [18. С. 237; 21. С. 250]. Во время переговоров Алариха и Гонория Сар, по словам Зосима, находился с небольшим отрядом недалеко от Равенны и не подчинялся ни тому, ни другому. Такая ситуация неудивительна, поскольку убийство Стилихона и последовавшие за этим антиварварские беспорядки очевидно дезорганизовали армию. Кроме того, Сар, как неудачливый разжалованный полководец, не мог рассчитывать на широкую поддержку в армии, состоявшей в большинстве из варваров. Он оказался в маргинальной ситуации и, очевидно, воспользовался случаем, чтобы не допустить возвышения своего соперника Алариха.

Характерно, что клановая вражда между готами оставалась в этот период существенным движущим мотивом, определяющим их поведение. Если стремления Алариха и были полностью подчинены желанию добиться успехов в римской иерархии, то про врагов среди соплеменников он тоже не забывал. Или же, что более вероятно, этого не давал ему сделать его родственник Атаульф, не столь тесно и активно вовлеченный в сферу отношений с римлянами и поэтому имевший иные приоритеты. По словам Зосима, именно Атаульф преследовал Сара по причине давней вражды [18. С. 256]. Перспектива примирения Гонория и Алариха создавала для Сара опасность остаться изгоем навсегда.

Оба основных источника данных об этих событиях, Созомен и Филосторгий, рисуют картину конфликта по-разному. Созомен говорит о внезапной атаке людей Сара на армию Алариха и кровавой резне, Филосторгий упоминает вызывающую и порочащую Алариха речь, произнесенную лично Саром на переговорах в присутствии всех заинтересованных сторон [11. С. 626; 21. С. 250]. Соответственно, исследователи придерживаются и той [5. С. 227], и другой версии [25. С. 31]. На самом деле, версии не противоречат друг другу – предположим, Сар совершил набег на лагерь Алариха и, вызванный на суд императора, произнес там оскорбительную речь. Так или иначе, источники единогласно отмечают, что переговоры были прерваны и взбешенный Аларих снова направился на Рим.

Повторилась ситуация разрыва соглашения из-за инцидента, который Аларих счел унижением для себя. Несмотря на то, что Х. Вольфрам и Д. Клауде считают, что инициатором прекращения переговоров выступил император, вдохновленный успехом Сара, источники указывают на Алариха, и в данном случае нет оснований им не доверять. Оскорбление, ставящее под сомнение верность своему слову, личный и родовой авторитет, воспринималось Аларихом очень остро – как, вероятно, и всеми варварами. Сар, будучи готом, это понимал, и его речь, построенная на обвинениях в предательстве и выражении недоверия, могла возыметь более разрушительный эффект, чем любое открытое нападение. Можно предположить, что именно Аларих окончательно отказался от переговоров, не видя возможности сохранить лицо в этой ситуации.

Это было крахом – не для Рима, а для Алариха. П. Хизер и М. Куликовски сходятся в том, что взятие Рима означало провал излюбленной стратегии Алариха – через военный шантаж добиваться имперских должностей для себя и выгодных условий поселения для своих людей [14. Р. 177; 20. С. 354]. Тем не менее, оно было необходимо, чтобы на некоторое время успокоить войско, доказать свой авторитет как вождя и командующего, добиться легкого успеха – но в перспективе положение Алариха это несколько не улучшило.

Х. Вольфрам в этой связи считает, что разграбление Рима не решило проблемы со снабжением армии Алариха [5. С. 228]. Кроме того, даже само

это разграбление П. Хизер называет самым цивилизованным за всю историю города, аргументируя этот тезис сравнением с другими случаями взятия Рима [20. С. 351–353]. Возможно, это утрированное утверждение, однако, в соответствии с Орозием, Аларих действительно организовал разорение Рима максимально лояльно по отношению к населению, приказав воздерживаться от кровопролития и разрушения христианских святынь [17. С. 499]. Даже теперь он не сжигал за собой мосты, надеясь на договор. Но от Гонория не последовало никакой реакции, и Аларих в поисках возможностей спасти своих людей от голода направился в Южную Италию, намереваясь оттуда переправиться на Сицилию, а затем – в богатую зерном Северную Африку. Однако и этот его план потерпел неудачу, поскольку решение Алариха было скорее жестом отчаяния, нежели действительно осуществимым мероприятием [26. С. 91]. Скорая смерть Алариха в свете такой череды неблагоприятных для него событий представляется неудивительной.

Взятие Рима в контексте социальных приоритетов Алариха и отношений, сложившихся между ним и Гонорием, являлось необходимым символическим актом. Сами римляне понимали это – ворота Алариху открыли изнутри. Хотя Х. Вольфрам призывает не недооценивать жертвы и разрушения [5. С. 228], Т.С. Бернс отмечает, что римляне и римская армия расценивали взятие Рима в 410 г. как очередной акт гражданской войны, а не как некую победу варварства над цивилизацией [11. С. 245]. Однако при этом оно органично вписалось в контекст идеологического дискурса того времени и поэтому было мифологизировано уже современниками. Эта мифологизация напрямую затронула и фигуру Алариха, к середине V в. превратившегося из неудачливого вождя и генерала в проводника сверхъестественных карающих сил, как для христианских, так и для языческих авторов.

Распространению этой мифологии способствовала скорая смерть Алариха, создавшая впечатление, что разорением Рима он исполнил свою миссию на земле. Можно предположить, что эти два события действительно связаны – Аларих после разграбления Рима так и не смог найти себе место в складывающейся в империи ситуации.

Выводы

В статье была предпринята попытка реконструировать комплекс предпосылок и мотивировок, приведших готского вождя Алариха к взятию Рима в 410 г. Противоречивость, умолчания и тенденциозность письменных источников обуславливают разнообразие точек зрения и интерпретаций в историографии. Среди этих интерпретаций наиболее релевантными представляются позиции, учитывающие антропологическую, идеологическую, репрезентативную и семантическую специфику во взаимодействии римлян и варваров. Анализ исторических источников и историографии позволил сформировать непротиворечивую динамическую

картину развертывания личных интенций и реакций Алариха во взаимодействии с имперскими структурами и отдельными персонами. Эта реконструкция, в частности, показывает, что инициатива Алариха была направлена на получение официального статуса в римской имперской иерархии для себя и на заключение максимально выгодного договора для своих сородичей и клиентов. Аларих связывал свои жизненные и карьерные перспективы с империей. Причиной и следствием этого была его вера в высшую ценность и нерушимость имперской системы. Следовательно, ни одно из его действий на протяжении рассматриваемого периода не носило антисистемный характер (по крайней мере, в намерениях), включая и взятие Рима. Предпосылками того, что Аларих решился на этот шаг, был ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных обстоятельств мировоззренческого и социально-политического характера. В их контексте взятие Рима было неизбежным и необходимым. Условно их можно разделить на внутренние и внешние по отношению к Алариху обстоятельства – то есть на его собственные намерения и желания и на объективные условия, в которых он вынужден был действовать. К числу первых относятся:

- 1) Стремление Алариха сохранить статус лидера и короля варварского войска, для чего требовались воинские успехи и распределение предметов престижного потребления. Положение Алариха как короля не было безусловным. Он должен был доказывать свою состоятельность в этом качестве каждым решением, обеспечивая выгоды и авторитет сородичам и клиентам. Кроме того, большое значение в контексте сохранения лидирующих позиций имело соответствие образу и принципам поведения вождя – то есть сохранение лица. Это подразумевало стереотипные агрессивные реакции на покушения на статус – оскорбления и унижения.
- 2) Стремление Алариха интегрироваться в систему римской воинской иерархии и администрации, получив официальный пост командующего войсками диоцеза или всей Западной империи в целом. Подобный пост открывал возможность участвовать в заседаниях сената и тем самым войти в круг имперской элиты. В свою очередь, это способствовало росту авторитета среди варваров и расширению возможностей престижного дарения и продвижения своих клиентов.
- 3) Индивидуальная стратегия воздействия на правительство империи и местную аристократию через сочетание переговоров и военного шантажа. Эта стратегия была избрана и опробована Аларихом еще в начале карьеры на константинопольском дворе и, хотя и не сразу, принесла свои плоды. Первоначально она сработала и в отношении Запада. Судя по частоте аналогичных случаев в отношениях варварских федератских группировок и римского правительства, эта стратегия являлась органичной для мировоззрения варваров того периода.

К числу вторых относятся:

1. Предубеждение со стороны императора Гонория, отвергавшего возможность заключения договора. Гонорий, пытавшийся обозначить совершеннолетие и самостоятельность, уничтожил своего опекуна Стилихона и с огромным подозрением относился к Алариху, видя в нем вероятного сторонника и преемника Стилихона в руководстве империей.
2. Распространение антиварварских настроений в романском обществе, периодически подогреваемых сознательной риторикой придворных фракций. Понятие варварства в Римском государстве носило самые различные, вплоть до противоположных, смыслы в зависимости от времени, места и автора, но антиварварские настроения существовали всегда. В условиях фракционной борьбы при императорском дворе и в сенате они использовались в политической риторике. Также существовало социальное на-

пряжение, связанное с опасностью вторжения варварских объединений из-за границ империи – подобного масштабному прорыву Радагайса в 405–406 гг.

3. Необходимость обеспечить войско продовольствием. Войско являлось опорой Алариха в его претензиях и амбициях в отношении империи, и в то же время ограничивало эти амбиции собственными требованиями и запросами, с которыми Аларих вынужден был считаться. Как лидер по преимуществу варварского формирования, он был обязан ежечасно доказывать свою состоятельность в этом качестве, поскольку его положение лидера являлось в большей степени конвенциональным, нежели формальным.

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. III. – М.: Терра, 2008. – 624 с.
2. Рудковская И.Е. Пространство государства как политический и религиозный миры в интерпретации Э. Гиббона и Н.М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – С. 72–79.
3. Жуков К.В. Американские историки о военных причинах падения Рима // Вестник Новгородского государственного университета. – 2013. – Т. 1. – № 73. – С. 83–86.
4. Циркин Ю.Б. Испания от античности к средневековью. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 456 с.
5. Вольфрам Х. Готы. – СПб.: Ювента, 2003. – 656 с.
6. Blockley R.C. The dynasty of Theodosius // The Cambridge Ancient History. V. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 845 p.
7. Mitchell S. A History of the Later Roman Empire, AD 284–681. – Chichester: John Wiley & Sons, 2014. – 544 p.
8. Августин Блаженный. Творения. Т. III. О Граде Божиим. Книги I–XIII. – СПб.: Алетейя, 1998. – 595 с.
9. Сыров В.Н., Суханова С.Ю. «О Граде Божиим» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2014. – Т. 8. – № 2. – С. 480–491.
10. Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: РОССПЭН, 1996. – 365 с.
11. Эрмий Созомен Саламинский. Церковная история. – СПб.: Типография Фишера, 1851. – 670 с.
12. Коньков Д.С. Аларих между Востоком и Западом: в поисках места в империи // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 320–323.
13. Burns T.S. Barbarians within the Gates of Rome. – Indianapolis: Indiana University Press, 1994. – 417 p.
14. Kulikowski M. Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 225 p.
15. Гигорий Турский. История франков. – М.: Наука, 1987. – 463 с.
16. Maenchen-Helfen O. The world of the Huns: studies in their history and culture. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1973. – 602 p.
17. Орозий П. История против язычников. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – 544 с.
18. Зосим. Новая история. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2010. – 344 с.
19. Heather P. The Goths. – Hoboken: Wiley, 1998. – 378 p.
20. Хизер П. Падение Римской империи. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 795 с.
21. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV–V веков. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 189–265.
22. Heather P. The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the migration period to the seventh century. – Woodbridge, Boydell & Brewer, 1999. – 563 p.
23. MacGeorge P. Late Roman Warlords. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 347 p.
24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 335 с.
25. Клауде Д. История вестготов. – СПб.: Евразия, 2002. – 288 с.
26. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб.: Алетейя, 2000. – 512 с.

Поступила 11.11.2014 г.

UDC 94(37) 09

ALARIC AMONG NATIVES AND STRANGERS: THE WAY TO THE SACK OF ROME

Dmitriy S. Konkov,

Cand. Sc., Tomsk State University, Russia, 634050,
Tomsk, Lenin Avenue, 36. E-mail: dkonkov@mail.ru

The relevance of the discussed issue is caused by the need to reiterate Roman-Barbarian relations' current interpretation. The nowadays conceptions of sociology, social and historical anthropology give us the opportunity for the profound understanding of ideal and material cultural impacts in the frame of the late Roman Empire.

The main aim of the study is to reconstruct the causes of Alaric's decision to plunder Rome in 410 AD in the context of intercultural Roman-Barbarian interactions by means of historical and anthropological interpretation and historiographical comparative analysis.

The methods used in the study: general science methods of analysis, synthesis and historicism, method of historical narrative, historical genetic method, historical typological method, historical source criticism, comparative historiographical analysis.

The results. The author found out the causes of Alaric's decision to plunder Rome in 410 AD. There are two groups of the causes in relation to Alaric's person. The first group consists of the personal aims and priorities: 1) the intention of Alaric to keep leader's status among the Barbarians and to provide military luck and loot for that purpose, 2) the opposite but akin intention of Alaric to enter in Roman military system by the assignment to the office of *magister militum*, 3) Alaric's personal strategy of pressing on the Roman imperial and local officials by the combination of treaties and blackmails. The second group consists of the factors unrelated to Alaric's person: 1) the bias of the emperor Honorius, who had rejected any proposals of treaty between the Empire and Alaric, 2) the widespread anti-barbarian common opinion by the Empire's citizens put Alaric in an outcast's position, 3) Alaric had had to find a foodstuff for the army.

Key words:

Cross-cultural relations in Roman Empire, social integration of migrants, sack of Rome 410, Alaric, Goths.

The paper was published within the research under the project «A man in the changing world. The issues of identity and social integration in history and modern age» (grant of the Government of the Russian Federation no. 14.B25.31.0009).

REFERENCES

- Gibbon E. *Zakat i padeniye Rimskoy imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow, Terra Publ., 2008. Vol. III, 624 p.
- Rudkovskaya I.E. Prostranstvo gosudarstva kak politicheskiy i religiozniy miry v interpretatsii E. Gibbona i N.M. Karamzina [Space of State as political and religious worlds in interpretation of E. Gibbon and N.M. Karamzin]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2012, no. 364, pp. 72–79.
- Zhukov K.V. Amerikanskii istoriki o voennykh prichinakh padeniya Rima [American Historians about Rome's Fall Military Causes]. *Bulletin of the Nougod State University*, 2013, vol. 1, no. 73, pp. 83–86.
- Tsirkin Yu.B. *Ispaniya ot antichnosti k srednevekovyu* [Spain from Antiquity to the Middle Ages]. St-Petersburg, St-Petersburg State University Press; Nestor-Istoria Publ., 2010. 456 p.
- Wolfram H. *Goty* [The Goths]. St-Petersburg, Yuventa Publ., 2003. 656 p.
- Blockley R.C. The dynasty of Theodosius. *The Cambridge Ancient History. V. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 845 p.
- Mitchell S. *A History of the Later Roman Empire, AD 284–681*. Chichester, John Wiley & Sons, 2014. 544 p.
- Saint Augustine. *Tvoreniya* [Creations]. T. III. *O Grade Bozhiem. Knigi I–XIII* [Vol. III. The City of God. Books I–XIII]. St-Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 595 p.
- Syrov V.N., Sukhanova S.Yu. O Grade Bozhiem i sovremennaya filosofiya istorii ili chto nam mogut skazat razmyshleniya Avgustina ob istorii [The City of God and the modern philosophy of history: could Augustine's reflections on history still teach us a lesson]. *Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 480–491.
- Socrates Scholasticus. *Tserkovnaya istoriya* [The Ecclesiastical History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 365 p.
- Salminius Hermias Sozomenus. *Tserkovnaya istoriya* [The Ecclesiastical History]. St-Petersburg, Fisher Press, 1851. 670 p.
- Konkov D.S. Alarich mezhdru Vostokom i Zapadom: v poiskakh mesta v imperii (399–402) [Alaric between the East and the West: Searching for the place in the Empire (399–402)]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 323, no. 6, pp. 320–323.
- Burns T.S. *Barbarians within the Gates of Rome*. Indianapolis, Indiana University Press, 1994. 417 p.
- Kulikowski M. *Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 225 p.
- Gregory of Tours. *Istoriya Frankov* [History of the Franks]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 463 p.
- Maenchen-Helfen O. *The world of the Huns: studies in their history and culture*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1973. 602 p.
- Orosius P. *Istoriya protiv yazychnikov* [History versus Pagans]. St-Petersburg, Oleg Abyshko's Press, 2004. 544 p.
- Zosimus. *Novaya istoriya* [New History]. Belgorod, Belgorod State University, 2010. 344 p.
- Heather P. *The Goths*. Hoboken, Wiley, 1998. 378 p.
- Heather P. *Padeniye Rimskoy imperii* [The Fall of the Roman Empire]. Moscow, AST; Astrel Publ., 2011. 795 p.
- Philostorgius. *Sokrashcheniye «Tserkovnoy istorii»* [Epitome of the Ecclesiastical History]. *Tserkovnye istoriki IV–V vekov* [Historians of the Church in IV–V centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 621 p.
- Heather P. The Creation of the Visigoths. *The Visigoths from the migration period to the seventh century*. Woodbridge, Boydell & Brewer, 1999. 563 p.
- MacGeorge P. *Late Roman Warlords*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 347 p.
- Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium, 1995. 335 p.
- Claude D. *Istoriya vestgotov* [The History of Visigoths]. St-Petersburg, Evrasia Publ., 2002. 288 p.
- Jordanes. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov* [The Origin and Deeds of the Goths]. St-Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 512 p.

Received: 11 November 2014.